

Ланс медленно разжал пальцы. Он не был уверен, что Чжань Пинчуань сумеет сдержать обещание. В конце концов, Золотая гу-сова с человеческим лицом была монстром ранга S+, порождением снов Внешнего бога, а Пинчуань до сих пор демонстрировал лишь две способности S-ранга.

«Сейчас есть две возможности. Первая: я ошибся, и никакой тайны здесь нет, лишь необъяснимый кошмар подземелья. Тогда жертва Чжань Пинчуаня — единственный способ спасти всех остальных, ведь только он сможет сдержать монстра»

«Вторая: я прав. И тогда, жив он будет или мертв, я не потеряю этого Чжань Пинчуаня. Потому что этой временной линии на самом деле не существует!»

Дыхание Ланса постепенно выровнялось. Его рука, скользнувшая вниз, внезапно замерла. На мгновение кончики пальцев прижались к животу Пинчуаня, после чего юноша резким движением притянул Альфу к себе. Он разомкнул губы и, не давая тому опомниться, с силой впился зубами в кожу рядом с его шеей, у самой железы.

Укус был коротким. Ланс тут же отстранился, и его лицо вновь обрело привычное спокойствие. Лишь губы, только что терзавшие чужую плоть, остались чуть приоткрыты, обнажая белизну зубов.

Чжань Пинчуань резко вдохнул. От внезапной боли его мышцы непроизвольно напряглись, но он тут же заставил себя расслабиться, подавляя обострившуюся чувствительность нервных окончаний.

Он повернул голову, но угол обзора не позволял увидеть этот, должно быть, весьма очаровательный след. Юноша поднял руку и осторожно коснулся пальцами того места, где остались отметины.

— Я что, перегнул с шутками? Ну, я не имел в виду, что ты прямо сейчас останешься вдовцом... то есть, я не то чтобы распускаю слухи, будто у тебя есть муж.

Говорить это было чертовски трудно — против воли.

«На самом деле, я только и мечтаю, чтобы такие слухи стали правдой» — промелькнуло в голове Пинчуаня.

Ланс уже научился мастерски игнорировать любые реплики, разрушающие атмосферу. Он молча смотрел на покрасневшее место укуса.

На самом деле Альфу невозможно пометить. Их железы лишены той защитной функции,

которой обладают Омеги, и даже при стимуляции чужой информационной эссенцией у них не возникает бурной реакции отторжения.

Омега же после временной метки мгновенно сталкивается с побочными эффектами: отеком, ноющей болью, жаром, а в крайних случаях — и с реактивной течкой. Что касается пожизненной метки, то она становится итогом настойчивого воздействия со стороны Альфы, когда Омега вынужденно проходит через своего рода «десенсбилизирующую терапию». Его тело учится полностью принимать чужую информационную эссенцию, позволяя Альфе сформировать «узел» внутри омежьего организма.

В современном обществе стремление к высокой совместимости объясняется именно этим: чем она выше, тем легче железа Омеги принимает эссенцию партнера. В таком случае процесс мечения приносит не боль, а наслаждение.

— Это обратная метка... Традиция нашего Гантана.

На рынках найма в подземельях Гантана часто можно увидеть подобную картину. Пробуждённый, уходящий в рейд ради заработка, получает от близких такую метку. Это делается для того, чтобы у него был повод хранить верность дому и обязательно вернуться живым.

Но Ланс не был членом семьи Пинчуаня, поэтому он осторожно укусил его лишь рядом с железой.

Закончив объяснение, Ланс вскинул подбородок, стараясь скрыть неловкость, и отвел взгляд в сторону.

— Всё, иди.

Сложно было сказать, отточил ли он образ «невинного юноши» до совершенства, или же Белому Фараону действительно стало не по себе от нахлынувших эмоций.

Чжань Пинчуань вовсе не почувствовал себя оскорбленным. Напротив, уголки его губ медленно поползли вверх. Он поправил воротник, словно желая спрятать это сокровище от посторонних глаз, и лишь потом заговорил:

— В Гантане, оказывается, такие чудесные обычаи? И что, можно вот так подойти на улице к любому и куснуть?

Ланс промолчал.

В глазах Альфы промелькнуло самодовольство.

— Думаю, всё же нет. Наверное, так делают только милые и послушные Омеги для своих мужей. Ну, или простодушные младшие братишки для старших.

Лансу нестерпимо захотелось вlepить ему пощечину. За всю его жизнь смельчаков, рискнувших назвать Белого Фараона «послушным маленьким О», можно было пересчитать по пальцам одной руки.

— Да иди ты уже! — не выдержал Ланс.

Пинчуань рассмеялся и, лениво подчинившись толчку в спину, зашагал прочь. По крайней мере, перед уходом ему удалось избавить собеседника от тревоги.

Тем временем Айсилунь и Ту Мо уже значительно оторвались от группы, стремительно приближаясь к логову Золотой гу-совы с человеческим лицом.

Стоило Чжань Пинчуаню ступить в сумрачный проход, как выражение его лица мгновенно стало серьезным. Он двигался вперед, внимательно изучая рельеф пещеры и подмечая любую деталь, которую можно было использовать. Изгибы коридоров, острые выступы камней, игра света и тени, затаившиеся в глубине налётчики...

Учитель Эрдиф еще в детстве учил его: победа не всегда достается тому, чей ранг выше. Исход боя зависит от множества факторов, и главное — уметь ими пользоваться. Юноша тратил массу усилий, чтобы зафиксировать эти нюансы в памяти. Это было его средством выживания и основой для выполнения обещания.

Когда он добрался до знакомого гнезда, события развивались в точности по известному сценарию. Тот самый прихвостень, что сопровождал Айсилуна в четырех прошлых смертях, снова верно исполнял роль пушечного мяса.

— С дороги! Брат Лунь врывается! — вопил он во всю глотку.

Ту Мо, разумеется, не собирался уступать. Его бугрящееся мышцами предплечье преградило путь крикуну, за чем последовала ставшая классической предсмертная фраза, от которой веяло могильным холодом:

— А я давал согласие?

Айсилунь вскинул голову. Его мрачный, леденящий взгляд встретился с противником. Жажда убийства, которую он так долго скрывал, теперь отчетливо читалась на его лице.

— Ты действительно решил встать у меня на пути?

— Мы оба — А-ранги, и атрибуты у нас схожие. С чего бы мне тебе уступать! — прорычал Ту Мо. Мышцы на его теле вздувались всё сильнее, и вскоре он превратился в некое подобие гротескного супермена.

Ухмылка Айсилуня стала еще шире. Он обожал моменты триумфа, когда можно было заставить мир содрогнуться от восхищения. И особенно он любил, когда главным героем этого триумфа был он сам.

Тот глубоко вдохнул, упиваясь собственными фантазиями. То, как кровь Ту Мо брызнет фонтаном, как его тело с грохотом рухнет на землю, как вокруг раздадутся полные ужаса крики... Айсилунь не мог подобрать слов, чтобы описать, насколько это будет прекрасно. Он станет первым в этом Кубке вызова под пристальными взглядами восторженной толпы, станет лучшим студентом на Доске почета Синда и желанным приобретением для любой крупной гильдии.

Айсилунь яростно нахмурился, вскинул руку и резко сжал пальцы в кулак!

Способность первого порядка типа «Животные» А-ранга:

[Экстремальный укус]

Прямо за спиной Ту Мо пространство словно разорвалось, и оттуда, целясь в самую уязвимую часть шеи, метнулся призрачный черный леопард. Хищник уже готов был сомкнуть челюсти на горле жертвы, но в то самое мгновение, когда его клыки обнажились, Чжань Пинчуань щелкнул пальцами.

Позади Ту Мо мгновенно возник прозрачный нежно-голубой барьер!

Леопард со всего маху врезался в преграду, едва не раскроив себе череп. Дезориентированный зверь замер с остекленевшим взглядом и тут же развеялся клочьями черного дыма.

Лицо Айсилуня исказилось! Не успел он вымолвить ни слова, как Чжань Пинчуань, засунув руки в карманы, протиснулся сквозь толпу и небрежным жестом, словно отбрасывая мусор, отодвинул его в сторону.

— Поберегись.

Пинчуань даже не взглянул на него, будто произошедшее было лишь досадной помехой.

Ту Мо стоял, тяжело дыша, обливаясь холодным потом. В последний миг он успел увидеть бросок черного барса, но у него не оставалось ни единого шанса уклониться. Он уже приготовился к смерти, когда зверь наткнулся на невидимое препятствие.

Известно, что аномальные способности делятся на видимые и невидимые. Например, [Экстремальный укус] — видимая способность; ее отчетливо видит любой, независимо от ранга. Невидимые же способности специфичны: те, кто ниже рангом или обладает невыгодным атрибутом, не могут их заметить.

Ту Мо видел атаку Айсилуня, но не заметил силы, спасшей его. Это означало лишь одно: спаситель либо выше него рангом, либо обладает преимуществом типа — «Насекомые» или «Элементы». Учитывая, что среди присутствующих было всего три А-ранга, он без труда догадался, кто это был.

Он оцепенело смотрел на Пинчуаня, пытаясь выровнять дыхание. Шок всё еще мешал ему выразить благодарность, но одно он понял четко: сильнейшим среди первокурсников был вовсе не он и не Айсилунь.

Холодный пот стекал по лицу «Брата Луна». Тот сжал кулаки, настороженно следя за каждым движением. Он всерьез опасался, что противник решит прикончить их обоих одним махом. Однако Пинчуань не выказал к нему ни малейшего интереса. Вместо этого он повернулся к Ту Мо и ледяным тоном спросил:

— Теперь ты понял, что те люди не лгали?

Ошеломленный Ту Мо замер, и в его голове наконец прояснилось. Да, те студенты предупреждали его. Они говорили, что ему перегрызут шею, и он умрет в луже крови. Оказалось, это не было ложью. Айсилунь действительно собирался его убить!

Если так, то...

Не успел он додумать эту мысль, как из прежде тихого логова внезапно вырвались клубы белого тумана. Раздался скрежет когтей по камню — звук, от которого волосы вставали дыбом, а сердце пускалось вскачь.

Зрачки Чжань Пинчуаня сузились, а на губах заиграла насмешливая улыбка:

— Если не сделаете ноги прямо сейчас, рискуете повторить судьбу одного А-ранга: останетесь без внутренних органов, лишь окровавленная шкурка на память.

В мгновение ока туман стал настолько густым, что полностью скрыл вход в гнездо. Скрежет и тяжелое дыхание не прекращались, а в воздухе разлился странный, пугающий аромат.

Айсилунь до боли сцепил челюсти. Его руки, превратившиеся в звериные лапы, непроизвольно дрожали. Ему не хотелось верить, что эти «трусливые психи» были правы. Неужели существо в тумане способно убить его одним ударом? Его, А-ранга!

Если его ждет мгновенная смерть, то почему этот Чжань Пинчуань так уверен в себе?

Однако времени на раздумья и браваду не осталось. Густая пелена тумана разорвалась, словно занавес, и из нее высунулась человеческая голова с птичьим клювом. Ее макушка была покрыта слоями золотистой чешуи, а темно-красные глаза с узкими вертикальными зрачками в упор уставились на людей.

— Мать твою, что это за тварь?!

— Это не Птица ужаса! Они были правы, бежим!

Две сотни студентов из лагеря «смертников» в панике бросились назад. От былой заносчивости не осталось и следа. В мгновение ока коридор превратился в кипящий котел: люди толкались, спотыкались в колеблющемся свете ламп, а те, кому не повезло упасть, рисковали быть раздавленными обезумевшей толпой.

Золотая гу-сова с человеческим лицом издала пронзительный крик и, разорвав остатки тумана, бросилась в атаку. Айсилуня пробрала дрожь — только сейчас он разглядел, что у этого чудовища две окровавленные плотьядные конечности, похожие на крылья после страшного ожога. И вся поверхность этих «крыльев» была усеяна бесчисленным множеством копошащихся когтей. Одна мысль о том, что эти когти могут выпотрошить его, заставила того содрогнуться от тошноты.

Как только монстр явился во плоти, Чжань Пинчуань почувствовал, как каждая клетка его тела вопит об опасности. Это был первобытный страх перед смертью и неведомой мощью. Казалось, он смотрит не на уродливую человекоподобную птицу, а в самую бездну хаоса. Эта сила подавляла волю, заставляя человека признать свою ничтожность и просто покориться неизбежному.

Чудовище взмахнуло крыльями и, издав долгий хриплый крик, подобно стреле метнулось к толпе. Тот, кто попадет в его когти, обречен.

Взгляд Пинчуаня стал тяжелым. Мощная, густая аура его информационной эссенции мгновенно распространилась вокруг, и перед монстром возник массивный нежно-голубой щит. Он вывернул кисть, ощущая острую, неприятную боль в районе железы — прозрачная преграда тут же уплотнилась вдвое.

Тварь, судя по всему, прекрасно видела его способность. Ее красные глаза застыли, и крылья, словно гигантские плети, обрушились на щит.

Грохот!

От мощнейшего удара барьер содрогнулся. По нему пошли трещины, но они тут же затянулись,

преграждая путь. Этим несколькими секундами хватило, чтобы спасти несколько жизней.

Видя, что добыча ускользает, Гу-сова в ярости завывала и принялась остервенело таранить щит.

Удар! Еще удар!

Она словно не чувствовала боли, обрушивая на преграду всё более свирепые атаки. Ее человеческое лицо двигалось так быстро, что превращалось в смазанное пятно.

Чжань Пинчуань не выдержал. Он прижал руку к разболевшейся железе и внезапно выплюнул сгусток крови. В груди всё горело, казалось, внутренности сместились со своих мест — удары твари отдавались в его собственных костях.

Его захлестнул ледяной ужас. Юноша вскинул темный взгляд, готовый применить способность третьего порядка типа «Пространство»:

[Царство пустоты]

И хотя эта техника была еще сырой, она могла бы...

Однако предостережение Ланса заставило его подавить этот порыв. Если за ними наблюдают через камеры, он должен оставаться в рамках обычного студента А-ранга, не представляющего угрозы.

Черный вихрь на кончиках его пальцев мгновенно рассеялся, и вместо него появились тончайшие, как паутина, но прочные и острые, словно бритва, серебряные нити.

— Эй, приятель, может, проявишь уважение? Потолкуем? — Пинчуань продолжал отплевываться кровью, но не терял своего нагловатого тона. — Кончай бодаться, у меня уже ребра трещат. Слушай, любишь играть в «веревочку»? У меня тут как раз нитки завалились. Давай сменим формат, я в Городе Пустыни был чемпионом по фигуркам из ниток.

Стоило ему договорить, как голубой щит разлетелся вдребезги. В тот же миг юноша резко взмахнул рукой, и серебряные нити, подобно болтам из арбалета, вонзились в глаза монстра.

Тончайшие нити были почти неразличимы в сумраке, и в момент исчезновения щита они с мягким чмоканием вошли в темно-красные глазные яблоки Гу-совы.

— Фу-х... — Пинчуань наконец перевел дух. Если эта штука ослепнет, у него появится шанс сбежать.

Глаза чудовища лопнули, как два водяных шара. Ошметки плоти и брызги крови брызнули из глазниц, превращаясь в вязкую алую жижу. Однако мгновение спустя на их месте выросли два новых глаза. На этот раз — зловещего желтого цвета.

— Да вы издеваетесь! Разве у таких непобедимых тварей уязвимое место не глаза? Друг, ты почему не по сценарию играешь? — Альфа выругался и, используя остатки щита как опору, резко отпрыгнул. В следующую секунду мощное крыло прорезало глубокую борозду там, где он только что стоял.

Пинчуань быстро окинул взглядом толпу. Плохо. Этого мало, катастрофически мало. Если он уйдет сейчас, те студенты, что еще не добрались до железной двери, погибнут в считанные секунды.

Но он...

Мысль оборвалась — Пинчуань снова закашлялся кровью. Использование щита в критический момент спровоцировало разрыв старых ран, и теперь кровавая пена безостановочно подступала к горлу. Почти каждое его слово сопровождалось багровыми брызгами.

Он стер кровь с губ. С его пальцев сорвались десятки серебряных нитей, которые, подобно кокону шелкопряда, плотно опутали Золотую гу-сову. Он с тяжелым чувством бросил взгляд вглубь коридора, но видел там лишь колеблющиеся тени и разбросанные тела.

— Спасите!!!

— Дверь... Где эта проклятая дверь?!

— Скажите кто-нибудь, куда бежать?!

— Сюда! Быстрее!

Толпа беженцев под предводительством «знающих» стремительно неслась к железным вратам, врываясь внутрь без оглядки. В этот момент никто не думал о достоинстве или принципах — в душах остался лишь первобытный восторг от спасения.

— Оно здесь! Снаружи слишком опасно, заходим!

— В этот раз нас вошло еще на десяток больше, откат точно сработает!

— Быстрее, быстрее! У меня ноги отнимаются от страха!

— Оно всё ближе. Даже не представляю, сколько они там продержатся.

— Тех, кто добегают, всё меньше. Похоже, А-ранги уже мертвы.

Ланс, в отличие от остальных, не спешил входить. Он стоял у самого порога, пристально вглядываясь в хвост толпы. Однако в сумраке пещеры, среди мечущихся людей и эха криков, он не мог разглядеть и намека на силуэт Чжань Пинчуаня.

Губы Лю Бо мелко дрожали. Он потянул Ланса за край куртки и негромко произнес:

— Лан-тунсюэ, пойдем. Стоит нам открыть глаза — и он снова будет с нами.

Несмотря на то что Пинчуань тоже был А-рангом, пример мгновенно погибшего Айсилуня не внушал оптимизма. Лю Бо не верил, что Чжань сможет долго продержаться. Но он был бесконечно благодарен ему. Он знал, что никогда не станет смеяться над товарищем, когда тот потеряет память после отката, ведь именно этот человек подарил им всем надежду на спасение.

— Заходите без меня, — сухо отозвался Ланс.

С уходом Пинчуаня у него пропало всякое желание притворяться. В его голосе зазвучали привычные для Белого Фараона властные и холодные нотки. Лю Бо попытался что-то возразить, но не решился. Он схватил стоящего рядом Тан Ли за руку:

— Не будем мешаться. Идем внутрь.

Тан Ли тоже чувствовал укол жалости к Пинчуаню. За всю свою жизнь он не встречал Альфу с такой тяжелой судьбой, который при этом умудрялся бы с улыбкой смотреть в лицо невзгодам. Но он понимал: их долг — помочь завершить операцию [363]. Если они останутся снаружи и погибнут, это только навредит общему делу.

— Лан-тунсюэ, мы уходим. Но ты... обязательно поспеши! — выдохнул Тан Ли.

Вслед за Лю Бо он быстро скрылся за тяжелой дверью. Ланс не обернулся. В тот момент, когда они вошли, он лишь мысленно произнес:

«Двести восемьдесят восемь... Двести восемьдесят девять...»

Золотая гу-сова превратилась в туго смотанный серебряный шар. Эти нити не причиняли ей вреда — они были слишком мягкими и тонкими, за них невозможно было ухватиться. Чудовище впервые столкнулось с подобным, поэтому неизбежно попало в ловушку: оно споткнулось и дважды неуклюже перекаатилось по земле.

Пинчуань, продолжая отплеиваться кровью, не мог удержаться от комментариев:

— Гляди-ка, как стильно. Не зря говорят: белый цвет универсален, даже тебе к лицу.

Он бросил быстрый взгляд на убегающих студентов. Некоторые из них окончательно лишились рассудка от ужаса — они ползли по земле, не в силах встать на ватные ноги, дрожа всем телом. Казалось, если их не убьет монстр, они умрут от разрыва сердца. Пинчуаня охватила злость: ему хотелось подогнать погрузчик и просто вывезти этот бесполезный хлам отсюда.

Золотая гу-сова не могла долго оставаться в плену. Внезапно она пришла в ярость. Бесчисленные маленькие когти на ее крыльях принялись рвать нити, словно ветхую ткань. Увидев, что глаза твари вот-вот освободятся, юноша вздрогнул. Он мгновенно выпустил две нити в сторону груды обломков на противоположной стороне, а сам активировал барьер, бесшумно растворяясь в тенях.

Его щит мог быть прозрачным, матовым или же работать как зеркало с односторонней видимостью. Как только Гу-сова разорвала путы, она тут же бросилась к грудке камней, на которую указали нити. Взмах крыла — и коридор превратился в месиво из щебня.

Укрывшись за своим барьером, Пинчуань тихо выдохнул. Если бы он остался стоять на прежнем месте, Ланс действительно стал бы вдовцом.

Желтые глаза Гу-совы бешено вращались, но она так и не нашла тела. Оглянувшись, она увидела лишь темные каменные своды. К счастью, ее интеллект был невелик: она лишь тряхнула головой и бросилась вдогонку за остальными студентами.

Дождавшись, пока тварь скроется из виду, Чжань Пинчуань обессиленно опустился на землю.

«Если я останусь в этой временной линии, то больше никогда не увижу Ланса» — эта мысль заставила его сердце сжаться.

Поддавив новую волну крови в горле, он поднялся, опираясь о стену. Он набрал в легкие воздуха и закричал вслед уходящему монстру:

— Эй, приятель! Давненько не виделись!

Услышав шум за спиной, Золотая гу-сова резко затормозила и с яростью обернулась. Чжань Пинчуань стоял посреди коридора и вежливо махал ей рукой с широкой улыбкой на лице:

— Сюда. Я сегодня заказывал смерть вне очереди.

Приманка сработала. Гу-сова бросила перепуганных беглецов и, изрыгая гневный рев,

развернулась и всей своей мощью ринулась на Чжань Пинчуаня.

<http://bllate.org/book/15867/1438826>